

Оглавление

Предисловие	11
Благодарности	16

Часть I. Отец человек

Глава 1. Праотцы	21
Глава 2. Таганрог	29
Глава 3. Магазин. Церковь. Школа	34
Глава 4. Театр в жизни и на сцене	48
Глава 5. Распад	58
Глава 6. Великая нужда	73
Глава 7. Покинутые	84
Глава 8. Сам по себе	94

Часть II. Доктор Чехов

Глава 9. Начала	111
Глава 10. «Зритель»	123
Глава 11. Семейные осколки	132
Глава 12. Смерть Моси	142
Глава 13. Дипломированный врач	156
Глава 14. Бабкино	164
Глава 15. Притяжение Петербурга	172
Глава 16. Помолвка	180
Глава 17. Признание	187

Часть III. Сторож брату своему

Глава 18. Суворины	199
Глава 19. Жизнь в «комоде»	210
Глава 20. Возвращение в Таганрог	220
Глава 21. «Иванов» на московской сцене	228
Глава 22. Смерть Анны	235
Глава 23. В трудах и праздности	245
Глава 24. Пушкинская премия	253
Глава 25. «Иванов» на петербургской сцене	263
Глава 26. Смерть на Луке	273
Глава 27. Прах отрясенный	281

Часть IV. Годы странствий

Глава 28. Изгнание бесов	293
Глава 29. Долгие сборы в дальний поход	303
Глава 30. По Сибирскому тракту	313
Глава 31. Сахалин	322
Глава 32. Бегство в Европу	334
Глава 33. Лето в Богимове	344
Глава 34. «Дуэль» и голод	353

Часть V. Цинциннат

Глава 35. Заботы полевые	367
Глава 36. Холера	381
Глава 37. По вызову Суворина	389
Глава 38. Лазарет	397
Глава 39. Лето с таксами	404
Глава 40. Счастливый Авелан	413
Глава 41. Редеющие женские ряды	422

Часть VI. Беглянка Лика

Глава 42. Утешение царя Давида	431
Глава 43. «Всесторонний негодяй» Потапенко	441

Глава 44. Рождение Христины	449
Глава 45. О, Чарудатга!	459
Глава 46. Весна женоненавистника	469
Глава 47. Высиживая «Чайку»	480
Глава 48. Возвращение беглянки	487

Часть VII. Полет «Чайки»

Глава 49. Столичная интермедия	499
Глава 50. Вновь обретенная Лика	506
Глава 51. Весна. Ходынка	512
Глава 52. Освящение школы	521
Глава 53. Ночь на Лысой горе	527
Глава 54. Фиаско	534
Глава 55. Смерть Христины	543
Глава 56. Слабое утешение	553
Глава 57. Маленькая королева в изгнании	561
Глава 58. Гордиев узел	570

Часть VIII. Цветущие кладбища

Глава 59. Больной доктор	575
Глава 60. Праздное лето	583
Глава 61. Пути-дороги	594
Глава 62. Мечты об Алжире	604
Глава 63. Дрейфусар Антон Чехов	611
Глава 64. Рождение театра	622
Глава 65. Сломанная шестеренка	631

Часть IX. Тройной успех

Глава 66. Возрожденная «Чайка»	643
Глава 67. «Я теперь марксист»	655
Глава 68. Последний мелиховский сезон	666
Глава 69. Триумф «Дяди Вани»	677
Глава 70. «В овраге»	687

Глава 71. Ольга в Ялте	695
Глава 72. «Три сестры»	704
Глава 73. Возвращение в Ниццу	712
Глава 74. Тайный брак	720

Часть X. Любовь и смерть

Глава 75. Медовый месяц	735
Глава 76. Врачебные разногласия	746
Глава 77. Супружеские хвори	757
Глава 78. Любимовка	766
Глава 79. «Невеста»	775
Глава 80. «Вишневый сад»	788
Глава 81. Исход	803
Глава 82. Постфактум	817
Глава 83. Эпилог	821
<i>Примечания</i>	827
<i>Именной указатель</i>	867

Але, Гале, Майе и Толе

ХУДОЖНИК

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок и тяжел.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога — как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп,
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взовьется от забора —
И ну плясать и стучать клювом в гроб!»

В груди першит. С шоссе несется пыль,
Горячая, особенно сухая,
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль... Всё прочее есть гиль».

Иван Бунин, 1908

Предисловие

Антон Павлович, как-то обедая у меня, сказал, что
«со временем все его вещи должны увидеть свет
и что ему стыдиться нечего».
П. В. Быков — М. П. Чеховой, письмо от 7.04.1910

МЫ ЗНАЕМ АНТОНА ЧЕХОВА КАК ОТЦА-ОСНОВАТЕЛЯ современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, — как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако Чехов столь же доступен, сколь и неуловим. Понять, что он «имел в виду», совсем непросто, — так редко он раздает оценки или что-либо объясняет. Из прозы Толстого или Достоевского мы можем реконструировать не только их философию, но также их жизнь. Из чеховских произведений, включая письма, мы извлекаем лишь мимолетные и противоречивые впечатления

о его внутреннем мире и житейском опыте. Многие чеховские биографы стремились воссоздать из подручного материала житие святого — человека, который за свой век, укороченный хронической болезнью, из бедняков проложил себе путь вверх, стал врачом и заботился о слабых мира сего, завоевал прижизненную славу крупнейшего прозаика и драматурга Европы, провел всю жизнь под опекой обожавшей его сестры и нашел запоздалое счастье в браке с актрисой, тонко трактовавшей роли в его пьесах.

Любая биография — это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с документальными данными. В нашем жизнеописании Чехова предпринята попытка расширить пределы привлекаемых источников. В результате фигура писателя стала еще более неоднозначной. И хотя ореол его святости померк, а судьба, как оказалось, определилась внешними силами в большей мере, чем считалось ранее, ни гениальности, ни очарования в Чехове не убавилось. Не следует смотреть на его жизнь как на придаток его творчества — именно она питала его прозу.

Сама по себе жизнь Чехова захватывающе интересна. Его постоянно тяготила непримиримость интересов художника с обязательствами перед семьей и друзьями, а биографияместила множество различных глав — в них можно проследить историю болезни, найти современную версию сюжета «Иосиф и его братья» и даже трагедию Дон Жуана. Жизнь Чехова всего бы лучше описал Томас Манн, создав роман о непреодолимой пропасти, разделяющей художника и гражданина. В ней также отразились жизненные коллизии талантливой и чуткой интеллигенции конца девятнадцатого века — одного из самых насыщенных и противоречивых периодов в культурно-политической жизни России.

Весьма немногие писатели охраняли от публики свою частную жизнь столь ревностно, как это делал Чехов. И ни один из них столь же скрупулезно не собирал буквально

все клочки бумаги — письма, счета, расписки, — имеющие отношение к нему и его семье. Вместе с тем его пресловутая неприязнь к автобиографиям отнюдь не мешала ему каждый год в Рождество рассортировывать по папкам свою переписку.

Нам известны несколько чеховских биографий. Одни из них весьма подробны — это «Чехов. Биография» Е. Симмонза или «Новая жизнь Антона Чехова» Р. Хингли, другие излишне живописны, как «Чехов» А. Труайя, или уравнивожены в суждениях, как «Чехов» М. Громова или «Чехов: освобожденный дух» В. Притчета. Во всех этих книгах используется примерно один и тот же круг источников. На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч писем Чехова, причем иные из них — с безжалостными купюрами. (О содержании утраченных полутора тысяч писем можно судить по ответам на них.) Эти источники, особенно полное собрание сочинений и писем Чехова в 31 томе, опубликованное в Москве в 1973–1983 гг., снабжены в высшей степени исчерпывающим и информативным академическим аппаратом, дающим в руки исследователю богатый и многообразный материал.

Не введенные в оборот источники не менее обширны. В архивах, и прежде всего в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится около семи тысяч писем, адресованных Антону Чехову. Примерно половина из них никогда не упоминалась в печати — это прежде всего письма, затрагивающие частную жизнь писателя. Другие архивы, такие как РГАЛИ, театральные хранилища Санкт-Петербурга и Москвы, музеи Чехова в Таганроге, Мелихове и Сумах, располагают неохватным документальным и изобразительным материалом, а также письмами современников, проливающими свет на частную и творческую жизнь писателя. Как видно из листков использования рукописей, за последние тридцать лет лишь небольшой круг исследователей тщательно ознакомился с этими источниками, и вместе с тем в своих публикациях они используют весьма незначитель-

ную их долю. Советская традиция избегать «дискредитации и опошления» образа писателя (формулировка из постановления Политбюро ЦК КПСС, запрещающего публикацию некоторых чеховских текстов) и по сей день вселяет в российских ученых сомнения в необходимости предъявлять публике чеховские архивы во всей их полноте. Три года, проведенные в поисках, расшифровке и осмыслении документов, убедили меня в том, что ничто в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опошлить Чехова. Результат как раз обратный: сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки.

Жизнь Чехова была короткой, трудной и не такой уж радостной. У него был обширный круг знакомств и было множество любовных связей (и мало истинных друзей и любимых женщин). Он вращался в самых разных сферах, имея дела с учителями, врачами, денежными магнатами, купцами, крестьянами, представителями богемы, литературными поденщиками, интеллектуалами, художниками, учеными, землевладельцами, чиновниками, актерами и актрисами, священниками, монахами, офицерами, заключенными, публичными женщинами и иностранцами. Он прекрасно ладил с людьми всех классов и сословий, испытывая неприязнь, пожалуй, лишь к аристократии. Практически всю свою жизнь он прожил с родителями и сестрой и долгое время с кем-либо из братьев, не считая тетюшек, кузин и кузенов. Он был непоседой: сменил множество адресов и проехал от Гонконга до Биаррица и от Сахалина до Одессы.

Работа над самой полной чеховской биографией по срокам могла бы превысить жизнь самого писателя. Я позволил себе сосредоточиться на его взаимоотношениях с семьей и друзьями. В некотором смысле биография Чехова — это история его болезни. Туберкулез определил течение жизни писателя, и он же оборвал ее. Попытки Чехова сначала игнорировать

болезнь, а затем побороть ее составляют основу любой из его биографий. На английском языке о чеховском творчестве написано много критических работ. Обращение к ним объясняется прежде всего масштабом самого писателя. В любом хорошем книжном магазине или библиотеке найдется немало книг, способствующих более полному восприятию писательского таланта. В нашей книге его рассказы и пьесы затрагиваются в той мере, в какой они вытекают из событий чеховской жизни или воздействуют на нее. Биография не есть литературно-критическая студия.

Не все загадки жизни Чехова могут быть раскрыты, и многих материалов нет в наличии: письма Чехова к невесте Дуне Эфрос, к Елене Плещеевой, к Эмили Бижон, весьма возможно, хранятся в частных западных собраниях. Так же вероятно, что сотни писем А. С. Суворина к Чехову обращаются в прах в каком-нибудь архиве Белграда; если бы их удалось найти, то чеховскую жизнь, а также российскую историю (Суворин слишком много знал и многое поверял Чехову) можно будет переписывать заново. Некоторые архивные документы Чехова обнаружить так и не удалось, например материалы, связанные с его занятием медициной. Вместе с тем источники, попавшие в наше распоряжение, позволяют создать более полный портрет писателя, чем предыдущие попытки.

*ДОНАЛЬД РЕЙФИЛД
Колледж королевы Марии,
Лондонский университет
Февраль 1997*

Благодарности

МОЯ САМАЯ ГОРЯЧАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ АДРЕСУЕТСЯ АЛЕВТИНЕ ПАВЛОВНЕ КУЗИЧЕВОЙ — ОКАЗАННАЯ ЕЮ ПОМОЩЬ ЗНАЧИТЕЛЬНО ОБЛЕГЧИЛА МНЕ РАБОТУ в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, и через нее же я познакомился со всеми крупнейшими чеховедами России и Украины. Я также благодарен сотрудникам РНБ, и особенно отдела рукописей, которые, несмотря на практически невозможные условия работы в разрушающемся здании и безрадостные перспективы, смогли обеспечить меня почти всем необходимым материалом — за подобное содействие я благодарю и сотрудников РГАЛИ. Я признателен сотруднице московского Дома-музея А. П. Чехова Галине Щёболовой и сотруднику Музея А. П. Чехова в г. Сумы Игорю Скворцову за возможность широко пользоваться архивами. Я также чувствую себя особым должником перед таганрожцами Лизой Шапочкой и ее мужем Владиславом Протасовым — за их гостеприимство и советы. Ольга Макарова из Издательства Воронежского университета помогла мне, предоставив чеховский краеведческий материал. Из своих западных коллег я прежде всего благодарен за поддержку неутомимому профессору Рольфу Дитеру Клюге, организатору чеховских кон-

ференций в Баденвейлере в 1985 и 1995 гг. Я также выражаю благодарность уфимцу Дмитрию Коновалову не только за предоставленную возможность воспользоваться материалами Андреевского санатория в Аксенове, но и за оказанный мне теплый прием. (Никто из упомянутых мною коллег не несет ответственности за высказанные мною суждения и реализуемый подход к биографии Чехова в целом.)

Я также признателен главному врачу районной больницы бывшего Богимова и персоналу Андреевского санатория. За исключением Сибири, Сахалина и Гонконга, я посетил, пожалуй, все места, куда ступала чеховская нога, и, возможно, причинил изрядное беспокойство их обитателям. Я ценю терпение, проявленное в общении со мной потомками чеховских друзей, и прежде всего Патрисом Бижоном. (Немало людей вздохнут с облегчением, узнав, что работа над книгой завершена.) За предоставленные иллюстрации я благодарю московский Театральный музей им. Бахрушина, чеховские музеи в Мелихове, Москве, Сумах, Таганроге и Ялте, а также Пушкинский Дом в Санкт-Петербурге и РНБ.

Я весьма обязан финансовой поддержке Британской академии: благодаря предоставленному мне трехмесячному гранту я смог продлить творческий отпуск и значительно продвинуться в создании книги. Своим коллегам по университету, которые были вынуждены мириться с моими частыми отлучками, я приношу благодарности и извинения.

Постскрипtum 2007 г. Автор и переводчик выражают признательность С. Г. Шинской, а также всем читателям, которые, уделив заинтересованное внимание русскому тексту книги, предложили ряд поправок, учтенных нами в настоящем издании.

Обновленный русский текст книги использует поправки и дополнения, внесенные во французское издание (*Éditions Louison*, Париж, 2018). Занимаясь этим переводом, мы с Надин

Дюбурвьё (Nadine Dubourvieux) и Агатой Пельтеро-Вильнёв (Agathe Peltureau-Villeneuve) тщательно сверили английский подлинник с русским переводом, проверили все имена и даты по архивным источникам, а также включили новые и лучше расшифрованные материалы. Благодаря добросовестному и проницательному изучению текста двумя переводчиками в сотрудничестве с автором книга значительно улучшилась.

За последние годы появились несколько русских публикаций, которые позволяют читателю изучать архивные материалы у себя дома. Среди них выделяю:

Л. Громова-Опульская, А. Кузичева и другие (ред.). Летопись жизни и творчество А. П. Чехова. М., 2000–... (4 тома, 1860–1898, издание продолжается).

Е. М. Гушанская, И. С. Кузьмичева. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка. М., 2012.

З. П. Удальцова. Ольга Книппер, М. П. Чехова. Переписка. В 2 т. М., 2016.

ЧАСТЬ I

ОТЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ

Мы слышали крики, доносящиеся из столовой...
и догадывались, что это бьют беднягу Эрнеста.
«Я отправил его спать, — сказал Теобальд,
вернувшись в гостиную. — А теперь, Кристина,
пора позвать прислугу на молитву».

С. Батлер. Путь всякой плоти

Глава 1

Праотцы

1762–1860 годы

Кто бы мог ожидать, что из нужника
выйдет такой гений!

АНТОН ВСЕГДА УДИВЛЯЛСЯ ТОМУ, КАК БЫСТРО — ВСЕГО за два поколения — поднялся род Чеховых из крепостных крестьян до столичной интеллигенции. И едва ли от предков унаследовал он свой литературный дар, как брат Николай — художественные таланты, а брат Александр — многогранный интеллект. Однако начала его характера — то, что объясняет его тактичную жесткость, его выразительное немногословие, его стоицизм, — коренятся и в переданных по наследству генах, и в полученном воспитании.

Прадед писателя, Михаил Чехов (1762–1849), всю жизнь был крепостным. Своих пятерых сыновей он держал в строгости — даже взрослыми они называли его Паночи. Первым Чеховым, о котором известно чуть более, был второй сын Михаила — дед Антона со стороны отца, Егор Михайлович. Дед Егор сумел вырваться из рабских уз. Крепостной графа Д. Черткова, он родился в 1798 году в слободе Ольховатка Богучарского уезда Воронежской губернии, в самом сердце России, на полпути от Москвы до Черного моря, там, где лес

переходит в степь. (Фамилия Чеховы в этих краях прослеживается до шестнадцатого века.) Он был единственным в семье, кто умел читать и писать.

Егор Михайлович варил из сахарной свеклы сахар, а жмыхом откармливал скот графа Черткова. Продавая на рынке скотину, получал свою долю прибыли. За тридцать лет тяжелого труда (порой ему везло, а порой и плутовать приходилось) Егор Михайлович скопил 875 рублей. В 1841 году он предложил эти деньги Черткову, чтобы, выкупив из крепостных себя, жену и трех своих сыновей, перейти в мещанское сословие. Чертков проявил великодушие — отпустил на волю и дочь Егора Михайловича, Александру. Родители же и братья его остались в холопах.

Получив свободу, Егор Михайлович отправился с семьей за четыреста с лишним верст на юг, в степные края. Здесь он стал управлять имением графа Платова в слободе Крепкой, в шестидесяти верстах к северу от Таганрога. Определив сыновей в подмастерья, Егор Михайлович помог им преодолеть еще одну ступень сословной лестницы — пробиться в купцы. Старший из них, Михаил (р. 1821), уехал в Калугу и освоил переплетное дело. Второму, Павлу (р. 1825), отцу Антона Чехова, к шестнадцати годам уже довелось поработать на сахарном заводе; потом он был погонщиком скота, а в Таганроге его взяли мальчиком в купеческую лавку. Младший сын, Митрофан, ходил в приказчиках у купца в Ростове-на-Дону. Любимицу отца, дочь Александру, выдали замуж за Василия Кожевникова из деревни Твердохлебово Богучарского уезда Воронежской губернии¹.

Егор Михайлович Чехов прожил в платовском имении весь свой век — умер он восьмидесяти одного года от роду. Слыл он чудачком и был крутого нрава. Получив власть над крестьянами, обходился с ними с жестокостью, за что и заслужил прозвание Аспид. Однако не пришелся он ко двору и у господ — графиня Платова отправила его подальше от себя, за

десять верст, в слободу Княжую. Егор Михайлович, которому по чину полагался барский особняк, предпочел поселиться в крестьянской избе.

Бабка Чехова со стороны отца, Ефросинья Емельяновна Шимко, с которой внуки почти не виделись, была украинкой². Все, что Чехов связывал с украинским характером, — смешливость, певческий дар, удаль, жизнерадостность, — было выбито из нее мужем. Была она мрачна и сурова, под стать Егору Михайловичу, с которым прожила пятьдесят восемь лет, до самой своей смерти в 1878 году.

Дважды в год Егора Михайловича отряжали сопроводить в Таганрог барскую пшеницу, а заодно прикупить в городе провианта и разного приклада. О его причудах шла молва — из саржевой робы он соорудил себе парадную одежду, в которой выступал, как «подвижная бронзовая статуя». Сыновей он порол за любые прегрешения — случись им украсть яблок или упасть с крыши, пусть и нечаянно. После отцовской расправы у Павла появилась грыжа, и всю жизнь ему пришлось носить подвязку.

Позже Чехов признавался: «От природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подobaет. <... > Ведь у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник»³.

Егор Михайлович неплохо владел пером, и до нас дошли его слова: «Я глубоко завидовал барам, не только их свободе, но и тому, что они умеют читать». Покидая Ольховатку, он взял с собой два короба книг — едва ли в 1841 году этот поступок был типичен для крестьянина. (Однако спустя 35 лет внуки, навещавшие деда в имении Платова, не заметили в доме ни единой книги.)

Хотя Егор Михайлович и заботился о детях, но был скуп на отеческую любовь. Однако на бумаге впадал в сентиментальность и напыщенное многословие. В его письме к сыну и невестке читаем: «Любезный, тихий Павел Егорович. Не

имею времени, милейшие наши деточки, через сию мертвую бумагу продолжать свою беседу за недосугами моими. Я занят уборкою хлеба, который от солнечных жаров весь засушило и изжарило. Старец Чехов льет пот, терпит благословенный солнечный вар и зной, зато ночью спокойно спит <... > а до солнца, Егорушка, ну-ну вставай, если что и не так, то нехай так, спать хочу <... > Доброжелательные Ваши родители Георгий и Ефросинья Чеховы»⁴.

Как и остальные Чеховы, Егор Михайлович поздравлял родичей с именинами и двенадцатыми праздниками, правда, в этих случаях бывал краток. Павел на день своего ангела (29 июня) в 1859 году получил послание: «Любезный Тихий Павел Егорович, Да здравствуй с милым твоим Семейством вовеки, до свидания любезные сыночки, дочки и славные внучки <... > Ваш Георгий Чехов».

Родня Антона по материнской линии была сходных корней и вела свое начало из Тамбовской губернии, мало чем отличавшейся от соседних воронежских краев. Природная смекалка и усердие и здесь проложили крепостным дорогу в мещане. Герасим Морозов — дед матери Антона, Евгении Яковлевны Морозовой, — водил по Оке и Волге груженные зерном и лесом баржи. В 1817 году, пятидесяти трех лет от роду, он откупил себя и сына Якова от ежегодного оброка, который крепостные платили хозяевам. Четвертого июля 1820 года Яков женился на Александре Ивановне Кохмаковой. Семейство жены было зажиточным и мастеровитым — их прекрасные деревянные поделки и иконопись пользовались спросом и у мирян, и у духовенства. Однако кровь Морозовых была подпорченной: внуки Герасима Морозова — дядя и тетя Антона — умерли от туберкулеза.

Жизнестойкости у Якова Герасимовича Морозова было поменьше, чем у Егора Михайловича Чехова, — в 1833 году, разорившись, он нашел покровительство у генерала Папкова в Таганроге; жена его Александра с двумя дочерьми обреталась

в Шуе. (Сына Ивана отдали в работники к купцу в Ростове-на-Дону.) Одиннадцатого августа 1847 года сильный пожар в Шуе уничтожил восемьдесят восемь домов, и все имущество Морозовых погибло. Вскоре в Новочеркасске Яков Герасимович умер от холеры. Александра Ивановна, сложив в телегу жалкий скарб и посадив туда дочерей Феодосию (Феничку) и Евгению, отправилась за четыреста верст в Новочеркасск, делая короткие остановки в безлюдной степи. Добравшись до места, она не смогла найти ни могилы мужа, ни его пожитков. И снова она пустилась в путь, перебралась в Таганрог и тоже отдала себя на милость генерала Папкова. Генерал приютил несчастных, а Евгению и Феничку даже определил учиться грамоте.

В то время дядя Антона по матери, Иван Яковлевич Морозов, торговал в Ростове-на-Дону под началом старшего приказчика Митрофана Егоровича Чехова⁵. Кто-то из них — или Митрофан, или Иван — познакомил Павла Чехова с Евгенией Морозовой. У Павла на пальце было кольцо с печаткой: «Одинокому везде пустыня». (Прочитав надпись, Егор Михайлович заявил: «Надо Павлушу женить».) Семейная хроника, которую Павел Егорович составлял в конце своей жизни, отличается тем меланхоличным лаконизмом, который проявится позже, в редкие минуты откровенности, в письмах Антона, а также в его зрелой прозе:

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я ее увидал.

1831. Помню сильную холеру, давали деготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А.Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору⁶.

Церковный певчий научил как-то Павла разбирать ноты и играть на скрипке. На этом его образование завершилось.